

меньше места в жизни молодой женщины, либо вопросы к себе уже не переносят пространство дневника. Видно, как дневник постепенно становится просто привычкой ритуалом. Энергия замысла, побудившая вести дневник, иссякла.

Одно из объяснений распространенности дневников в советской жизни заключается в том, что советские мальчики и девочки - книголюбцы и мечтатели (Кира, например, гордится своей способностью мечтать и считает это необходимым качеством советского человека). Ведение дневника - традиция книжных мальчиков и девочек, письмо как продолжение чтения, как твой собственный вклад в то, чтобы мир идеального присутствовал в повседневности. "Культивируя русскую литературу", советская власть вводит человека в круг тех вопросов и тех высоких мировоззренческих критериев, которые охватываются не только источником социальной энергии, но и потенциально опасными самого советского строя. Слишком высоки эти критерии, слишком они идеальны, если их предъявлять как практические.

Использованная литература:

Garros, V. (2001). *L'Etat en proie au singulier. Journaux personnels et discours autoritaires dans les années 1930. Le Mouvement Social*, n 196, juillet-septembre 2001, 137-154.

Intimacy and terror/ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. - N-Y: New Press, 1995.

Бек А. (1987). *Новое назначение. М: Из-во "Книжная палата"*.

Гэфтер М. (1996). *История - позади? Историк – человек лишний? Аутсайдер человек вопроса. Спецвыпуск журнала Век XX и мир, №1. С. 9-32.*

Вузовская Н. (2004). *Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932-1937. По материалам следственного дела семьи Вузовских. М: Глас, 2004*

Рожанский М. (1996). *Черновик мира миров. Опыт несовпадения. Аутсайдер человек вопроса. Спецвыпуск журнала Век XX и мир, №3, 162-179.*

Ромм М. (2003). *Как в кино. Устные рассказы. Нижний Новгород: ДЕКОМ.*

Савкина И. (2000). «Я и ты в женском дневнике». In M. Liljeström, A. Rozenhold & I. Savkina (Eds.), *Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts. Helsinki, Kikumora.*

Самойлов Д. (1995). *Памятные записки. М: Международные отношения. Трушкин В. (2001). Друзья мои...: Из дневников 1937-1964 годов. Иркутск, изд. Схронов Г. К.*

Федотов, Г. (1982). *Полн. собр. сочинений. Т.3. Тяжба о России. Paris: Ymte Press.*

Фрумкина Р. (2002). *Внутри истории. М: Новое литературное обозрение.*

Георгий Федотов предсказывал в середине тридцатых: "Чем дальше идут годы, тем большее число молодых и на все 100 % советских людей, которые ставят себе вечные и такие русские вопросы: зачем жить? что делать? (Федотов Г., 1982, с.311). Мы читаем дневник девушки, которой революционный и социальный энтузиазм присущ в полной мере. Но без вопросов о смысле жизни дневника просто не было бы. Конечно, эти вечные, а благодаря русской классике их называют русскими. Однако, читая дневник, трудно не увидеть, что непосредственное отношение к возникновению этих вопросов имеет не только русская культурная традиция, но и социальный энтузиазм. Советский человек воспринимал русскую классику как предисловие к своему миротворчеству, к своему социальному энтузиазму и для этого были весомые основания

Полевые исследования

Российская интеллигенция как образ: визуальные послания разных времен

Дмитрий Попов

Фотография появилась примерно в одно время с социологией, однако использование фотографий как источника социальной информации так и не стало популярным. Миллионы фотографий делаются каждый год и становятся достоянием семейных альбомов, но социологи не испытывают особого интереса к тому, что могло бы стать основной информационной базой исследования. Между тем, некоторые исследователи полагают, что визуальная социология со временем в теоретическом плане может серьезно потеснить социологию, построенную на написанном или сказанном слове (Wagner J, 1979), также как книжный мир, вынужден был уступить свои позиции под напором мира визуальных образов - кино, телевидения, компьютерных виртуальных реальностей.

Социология изучает мир человеческих отношений, мир, скрытый для исследователя. Способы его проявления могут быть самыми различными: изучение географических пространств (Э. Бёрджесс), идеальных типов (М. Вебер) и др. Одно из перспективных направлений современной социологии - *visual sociology* - обращается к изображению как к средству и способу исследования социальной реальности, ведь в фотографии происходит импринтинг, фиксация человеческих отношений. Огромное значение имеет и тот факт, что сами люди все большее внимание уделяют визуальным знакам как миру открытых визуальных посланий.

Российская интеллигенция: от истории к современности

Сегодня с российским интеллектуальным слоем, который традиционно именовался интеллигенцией, происходят важные, не до конца осмысленные в научной литературе общественном сознании изменения, которые сами по себе заслуживают пристального внимания. Бывшая советская интеллигенция обретает новые, ранее будто бы не свойственные ей качества. Какова природа этих изменений? Какие это качества? Эти вопросы нуждаются сегодня в осмыслении.

Российская интеллигенция появилась на свет в середине XIX столетия. Она, как показал российский социолог Н.Е. Покровский, возникла вследствие неповторимого исторического парадокса: «Общество, которое было вполне антиинтеллектуальным, на этапе своего прекапиталистического слома образовало социальную нишу, позволявшую заниматься мыслительной деятельностью, довольствуясь малым и не заботясь о куске насущном в той мере какой это характерно для западных интеллектуалов. На сравнительно коротком отрезке истории (середина и конец XIX века) интеллектуальный и культурный потенциал, накопленный в рамках феодального общества, получил возможность и развиваться без вхождения в капиталистический рынок. Это

Полевые исследования

промежуточное состояние оказалось исторически благотворным и привело к возникновению специфического слоя людей - носителей культуры в точном смысле слова» (Покровский, 1999).

Дореволюционная интеллигенция не была сословием в полном смысле этого слова. Существует точка зрения, что она являла собой скорее особый социальный институт со своей системой норм, ценностей, ролей, функций. «Как институт интеллигенция взяла на себя многие социальные функции церкви, выработала свою систему догматов символы веры, иерархию и ритуалы. Основными ее ценностями были «духовность»[^] противостоящая «пошлости», «образованность», не связанная с ее практическим использованием, миссионерское «служение народу», оторванное от проникновения в его реальные жизненные проблемы, «верность идеалам» (Дискин, 1999).

Н.Е.Покровский разработал модель, «идеальный тип» (по М. Веберу) российской интеллигенции конца XIX - начала XX века (Покровский, 1999), который в общем виде можно представить через набор некоторых постулатов:

- *Гипертрофирование духовно-нравственного аспекта жизни как радикально про- тивоположного материальному (обсуждать материальный достаток не принято, богатство считается неприличным).*

Жизнь интеллигенции России многие десятилетия протекала как бы вне быта. Вся их жизнь, все силы их духа сосредоточивались на глобальных проблемах бытия. Обратиться к метафизическим проблемам западного интеллектуала побуждает лишь пограничная ситуация: между жизнью и смертью. Не случайно само понятие «пограничная ситуация» появилось в западной философии (у Ясперса). Российский дореволюционный интеллигент постоянно находится в пограничной ситуации.

- *Нравственные и просветительские достижения рассматриваются как само- достаточные, ценится бескорыстное служение абстрактной идее, истине.*

Для пояснения этой характеристики можно обратиться к разработкам основателей этико-социологического направления в русской социологии П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. Они ввели в научный оборот термин «критически мыслящая личность», ставший синонимом слова «интеллигенция». Смысл термина в том, что это личность, достигшая высшей ступени развития, она создает для себя «идеал человеческого достоинства» и стремится к его воплощению в жизнь как к жизненной цели (Лавров П.Л.,1888).

В работе М.Ю. Лотмана «Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)» отмечается, что «концепт интеллектуала смещается из сферы чисто интеллектуальной в сферу нравственности, что делает русскую интеллигенцию непохожей на западную интеллектуальную элиту» (Лотман, 1999).

- *Чувство сострадания и «долг перед народом», жертвенность.*

Социолог XIX века Петр Лавров сформулировал теорию неоплатного долга интеллигенции, и эта теория получила свое дальнейшее развитие в более позднее время •

Из нее впоследствии выросла тема вины и ответственности интеллигенции за судьбу России.

- *«Быть знаменитым некрасиво», некрасиво иметь больше, чем того требуют профессиональные занятия и духовные интересы.*
- *Духовная открытость, неспособность к точному расчету, измерению социальных благ.*

Публицист Ю. Боров метко назвал это «приоритетом обостренной совести и чести перед разумом» (Боров, 2004).

- *Культивирование идей дисбаланса, оппозиционности.*

В 1918 году Александр Блок писал: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой,

чистой веселой и прекрасной жизнью». Миссию «переделки» России Блок отдавал русской интеллигенции» (Покровский, 1999).

• *радение за все человечество, ощущение своей собственной, личной ответственности за историю, за все происходящее в мире.*

Российская дореволюционная интеллигенция (и радикальная, и либеральная) жила чисто идеологической, мыслительной жизнью, мало считаясь с реальностью, и не отличалась трезвостью своих суждений и оценок. Она была постоянно нацелена на поиски идеала будущего, причем идеала для всего человечества.

После революции 1917 года, в Советский период (1917-1991), интеллигенция была социальным образованием, во многом отличным от интеллигенции дореволюционной. Важнейшим отличием советской интеллигенции от ее предшественницы стали отношения с властью. «Эта новая советская интеллигенция не могла считаться наследником русской интеллигенции прошлого [XIX - Д.П.] века уже потому, - пишет Ю.А. Левада, - что состояла в принципиально иных отношениях с властью предрержащими. Сказанное, впрочем, относится к явным, официально санкционированным функциям культурной элиты советского образца. Скрытая же, латентная - чаще всего не выражавшаяся вслух или даже не осознаваемая - состояла в поддержании культурной традиции, исполнении просветительского гуманистического долга по отношению к народу (да и к властвующей элите)» (Левада, 2000).

Следует признать, что советская интеллигенция в какой-то мере унаследовала от своей предшественницы гипертрофирование духовно-нравственных ценностей, частично идею служения народу, которая трансформировалась в революционный романтизм значительной ее части, вначале искренний, позднее — искусственно поддерживаемый. Открытая оппозиционность дореволюционной интеллигенции сменилась на завуалированную. Важно, что возможности для интеллектуальной деятельности у советской интеллигенции обуславливались лояльностью по отношению к власти.

Имеет смысл говорить об определенной двойственности в положении интеллигенции в советском обществе. С одной стороны, высококвалифицированные и образованные служащие обеспечивают функционирование всей бюрократической машины, самой системы господства, ее легитимности, оборонной и репрессивной мощи, воспитания и обучения кадров, систему информации и т.д., демонстрируя, пусть и не всегда искренне, лояльность и преданность режиму. С другой, в соответствии с унаследованными легендами и идеалами, интеллигенция воспринимает себя как оппозицию, как защитника народа, совесть общества.

В советский период произошел бурный рост образованного класса. Вместе с тем произошла бюрократизация интеллектуального слоя советского общества. Практически каждый являлся чиновником в смысле принадлежности к системе общественных отношений, где все замкнуто на государство, и любая сфера деятельности была, по сути, государственной службой, поскольку других работодателей не имелось,

Переход к новому социальному устройству в начале 90-х годов оказался для российской интеллигенции чрезвычайно болезненным. Представители интеллигенции, распрощавшись в начале 1990-х годов с ролью (во многом иллюзорной) властителей народных дум, оказались лицом к лицу с собственными серьезнейшими проблемами. Произошло изменение трудовой мотивации, многие обнаружили несоответствие новым требованиям и стандартам. В начале 90-х годов произошло резкое сокращение численности интеллигенции. Слой образованных людей стал быстро дифференцироваться.

В современных условиях интеллигенция (в изначальном понимании этого термина, содержание которого описано в приведенной выше модели И.Е.Покровского) все в большей степени превращается в чисто условную группу, границы которой определяются, прежде всего, ее рефлексивностью. Поскольку по формальным признакам в структуре общества эту группу выявить невозможно, то на первый план выходит

самосознание интеллигенции, а именно, ее самовосприятие, саморефлексия и самоидентификация. В конечном счете это и становится группообразующими признаками интеллигенции. В этом заключается особая сложность в изучении интеллигенции, ибо она приобретает черты *виртуальности*. То есть, с одной стороны, она присутствует в жизни общества в виде культурных феноменов, нравственных императивов (пусть и реминисцентных), артефактов. Но, с другой стороны, интеллигенция не совпадает ни одной реальной профессиональной или иной группой.

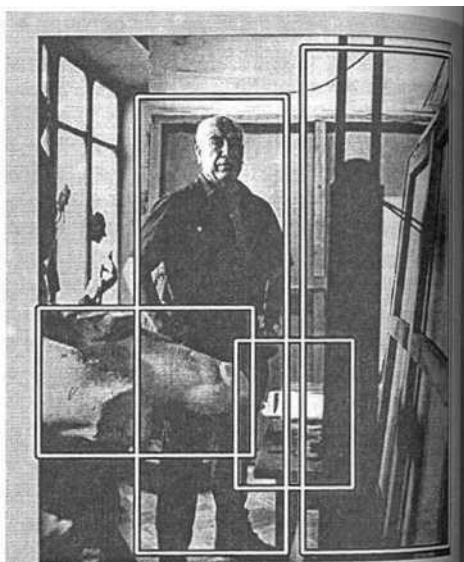
Исходя из этого, самосознание превращается в важнейший формообразующий компонент виртуализированной группы. Однако, было бы неправильным на основании вышесказанного делать вывод о малозначимости *интеллигентской парадигмы* (образ сознания), уходящей с исторической сцены. Напротив, в современном обществе виртуальные структуры во многом приравняются по силе своего воздействия к структурам материализированным. Условно говоря, реконструкция интеллигентского сознания «игра в интеллигенцию» имеют немалые перспективы как в России, так и на Западе, где постоянно ставится вопрос о преодолении материализма общества потребления.

Советская интеллигенция в фотографиях

Исходя из описанной исторической эволюции интеллигенции, нам представлялось интересным отследить эти изменения в визуальных образах.

Визуальный образ советского интеллигента на сегодняшний день остается малоизученным, несмотря на значительное влияние, которое он до сих пор оказывает на конструирование идентичности представителей российской интеллигенции.

Репрезентацию в СМИ можно рассматривать как позиционирование объекта, события, человека, документа под углом определенных интересов - политических, экономических, эстетических. В нашем случае позиционирование - это создание образа применительно к представителям интеллигенции. Благодаря созданному образу, интеллигенция будет соответственно восприниматься обществом. Созданный имидж закрепляется в массовом сознании как стереотип. «Важно подчеркнуть, - пишет Елена Петровская, - стереотипы эти - не просто навязанные нам извне модели поведения, социально сконструированные образы тела и/или «души», ролевые предписания. Эти клише формируют саму нашу чувственность, это наш способ реагировать на мир. Более того, циркулируя этих мифологем, принимающих в основном визуальный характер (достаточно обратиться к особенностям функ-

Александр Александрович Дейнека,

Поза демонстрирует властность это решительный, волевой образ, о нем словно заключена концентрированная социальная энергия. Перед нами не просто рядовой представитель интеллигенции, но и человек имеющий властный статус, вождь И как подобает народному вождю, он находится в подчеркнута спартанских условиях.

Для того чтобы подчеркнуть аскетизм, съемка произведена в мастерской, интерьер которой абсолютно лишен комфорта. На первом плане - скульптуры, мольберт с установленным полотном, рабочий стол I

ционирования СМИ), позволяет говорить о всеохватности и «неразборчивости» самого 'потребления» (Петровская, 2000, С. 15).

Николай Васильевич Томский

Перед нами идеологический снимок. Н.В. Томский - представитель советской номенклатуры. На фотографии можно увидеть целый ряд советских символов - скульптура Шолохова, модель монумента °ину-освободителю, бюст Ленина, планет на стене... Эта символика заполняет основное заднее пространство фотогра- и она начинает доминировать, оставляя фигуре самого скульптора лишь второстепенное место, сдвинутое к краю. главного героя снимка абсолютно скрыто», ничего не выражает, оно находится в тени.

В советском обществе лишь немногим было дозволено создавать образы вождей и народных героев. Н.В.Томский был одним из избранных. И эта избранность обрекает его находиться в тени собственных изваяний.

Эти идеологически выстроенные образы были способны влиять на самые глубокие уровни общественного сознания, конструируя необходимый способ мышления, чувствования и соответствующую модель поведения.

Очевидно, что массовые издания не только репрезентируют, но и конструируют социальную реальность, являясь проводником определенной идеологии. На страницы таких журналов попадают люди, чья карьера признается успешной, и которые могли бы заинтересовать потенциальную аудиторию издания. Присутствие этой части интеллигенции благоприятно влияет на имидж и продажи журналов.

Ролан Барт в работе «Camera Lucida. Комментарии к фотографии» описывает два способа прочтения фотографий - studium, то есть отношение к фотографии как некоторому политическому и историческому свидетельству (фотография как культурная идентификация), и punctum - выделение фотографий, имеющих некие чувственные точки, вызывающие удивление (Барт, 1997).

Для исследования образа интеллигенции в советских СМИ мы обратились к художественным альбомам «Фото», в которых публиковались все наиболее сильные работы, ранее размещенные в советских периодических изданиях, книгах. Все эти работы являются, по предложенной Р. Бартом терминологии, «punctum» уже в силу их публикации в престижных (и идеологически выверенных) сборниках лучших советских фотографий.

Для исследования были отобраны фотографии, относящиеся к 1950м-1980м годам. На всех этих фотографиях изображены представители интеллигенции. Иногда это

Библиотекарь

Это типовой образ представителя советской интеллигенции. Женщина средних лет в простом, строгом платье. Задача фотографа - показать профессионала в его среде, поэтому выбран данный, подчеркнута деловой, ин-

терьер: каталог на заднем плане, стеллажи, папка в руках женщины. Нет ничего личного, только работа. Мы видим человека-функцию, обезличенного, лишённого яркой индивидуальности. Перед нами образ «человек-в-работе», вертикальные линии на фотографии подчеркивают иерархичность деловых отношений. Это один из самых популярных образов при репрезентации представителей советской интеллигенции.

известные люди — деятели науки, искусства, безымянные персонажи. Их отдельные образы страиваются в некий единый, собирательный образ.

К формированию подобных образов совету идеологические структуры подходили с особой тщательностью. Если конструкция фотографии есть плод работы художника, модели и зрителя, то акт публикации фотографии в СМИ подразумевает еще более сложный механизм. Здесь важна роль редактора, ставящего изображение в номер, важны ожидания читателей, издателей, партийных чиновников и т.д.

Первое, что является общим в изучаемых фотографиях, - это практически полное отсутствие спонтанности: люди на снимках позируют. Если в плане фотографа входит добавление элемента непреднамеренности, застигнутости врасплох, это также достигается при помощи постановочной съемки. Объяснен этому может быть несколько.

С одной стороны, это технические сложности: аппаратура не слишком высокого качества, затрудняющая съемку, достаточно долгая выдержка, требующая и от фотографа, и от модели настройки (в том числе и психологической).

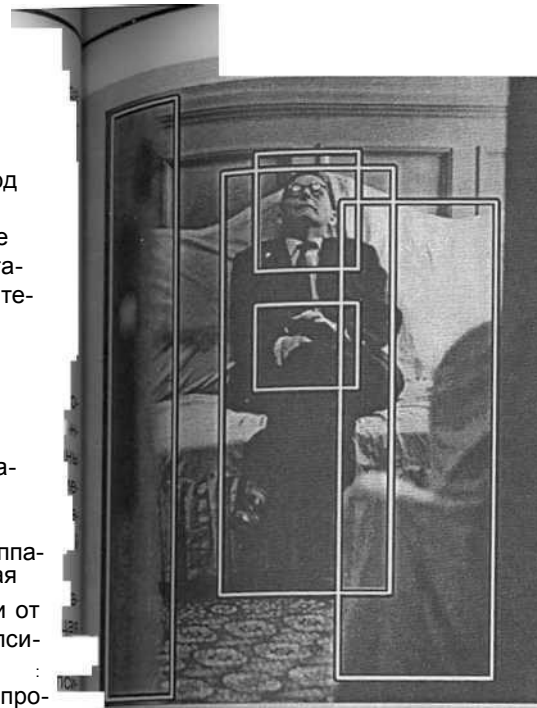
С другой стороны, отношение самого объекта к процессу съемки, как к священнодействию. В силу важности и редкости этого события публикация фотографа в прессе маркировалась в качестве некоей жизненно-вехи: часто сам факт съемки являлся событием.

Об этом процессе, обозначаемом в некоторых исследованиях «программированием рецепции в про-

цессе съемки» (Дашкова, 1999), очень точно написал Р. Барт (на примере себя и своих ощущений): «Так вот как только я чувствую, что попадаю в объектив, все меняется: я конституирую себя в процессе позирования, я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая себя в образ» (Барт, 1997).

Это нетрудно понять: человек «дарит» другой свой образ, то есть стремится запечатлеть себя таким, каким он хочет себя видеть со стороны. В процессе съемки человек как бы мгновенно режиссирует снимок. Придавая своей позе, одежде, выражению лица более адекватный (выгодный) вид. Не говоря уже о фотографе, который может все это «поставить»: усадить «должным образом», причесать, заставить улыбнуться или «сделать умное лицо».

В изначальной постановочности этих фотографий во многом кроются их визуальные особенности. На снимках выражение лица позирующего внутренне срежиссировано, настроено на получение «требуемого» результата. Поскольку причиной съемки обычно являлось некое социально/политически значимое событие, то фотограф (особенно газетно-журнальный) еще и объяснял фотографируемому «сверхзадачу» съемки, добиваясь от него, таким образом, нужного результата

Дмитрий Дмитриевич Шостакович

Одухотворенный образ советского композитора, автора всемирно извест-

ной симфонии, написанной в блокадном

Ленинграде. На лице и в позе человека читается внутреннее напряжение, а рука словно дирижирует невидимым оркестром. Создан эффект «подсматривания» через полуоткрытую дверь фотограф словно не смеет войти и по-беспокоить композитора

образа, элемент символического образа интеллигента - преобладание духовно-нравственного начала над материальным миром. Это достигается через создание интерьера (зачехленные кресла) и через подчеркнуто строгий костюм героя снимка.

Удачная находка фотографа не осталась без внимания и была растиражирована: автору этих строк приходилось видеть несколько коспозиционно и сюжетно близких фотографий советского периода

Неточности выражения лица и небрежности съемки компенсировались обильной ретушью.

По мнению культуролога Т. Дашковой, с изначальной постановочностью и внутренней срежиссированностью фотосъемки связаны предпосылки для формирования визуального канона в советской массовой культуре (Дашкова Т., 1999). Для канонических построений этого времени характерна оценочность - не только рецепции, но и самоощущения «художника» и «модели». О близких проблемах, но только в отношении кинематографа, писал В. Беньямин. Делая упор на посреднической роли аппаратуры, во многом обуславливающей природу зрелища, исследователь отмечает, что аппаратура, «под руководством оператора [...] постоянно оценивает игру актера. Последовательность оценочных взглядов, созданная монтажером из полученного материала, образует готовый смонтированный фильм» (Беньямин, 1996, С.36-37). Оценивающая роль кинокамеры (фотообъектива) передается зрителю, то есть объектив программирует рецепцию. Фотограф моделирует ее в зависимости от своих (в том числе и пропагандистских)

установок, обращая внимание зрителя на наиболее типичное, характерное и/или идеологически устойчивое. Как писал В. Беньямин, «возникает новый отбор, отбор перед аппаратурой, и победителями из него выходят кинозвезда и диктатор» (Беньямин, 1996, С.42). То есть, победителями выходят те создатели

которые наиболее хорошо понимают природу зрелища и используют ее в своих интересах.

О способах презентации власти в области визуального пишет М. Ямпольский в своей статье «Власть как зрелище власти». «Один из существенных аспектов функционирования власти - патологическое стремление к самоэкспонированию, выставлению себя напоказ, к превращению себя в перманентное зрелище». При этом он, цитируя французского исследователя Луи Марена, отмечает, что изображение представителя

Академик Будкер

В позе героя этой фотографии читается готовность к движению, к прыжку, что усиливается расположением рук человека. Четкость линий и цветовые контрасты усиливают выразительность образа «готовности к движению».

Здесь как бы подчеркивается готовность преодолеть любые трудности, добиться невозможного. Это символизирует веру в прогресс, в достижения науки и техники.

Эта вера стала знаменем послевоенного поколения, воспитанного на волне социального оптимизма, и одним из самых важных символов советского периода.

оно неполно и незначимо. Это «кентаврический объект», единый телесный комплекс, неделимый и непроницаемый, то есть фотография не позволяет зрителю «проникнуть» далее одежды работника и устройства («станка») (Вайль, Теннис, 2001). Снимок — это не конкретный человек, а трудовой процесс, а не конкретный человек. Фотограф видит механизм, человек лишь обслуживает его — отсюда дальние планы, снимки со спины и т.д. Название таких снимков чаще всего ограничивается обозначением профессии: «врач», «учитель», «физик».

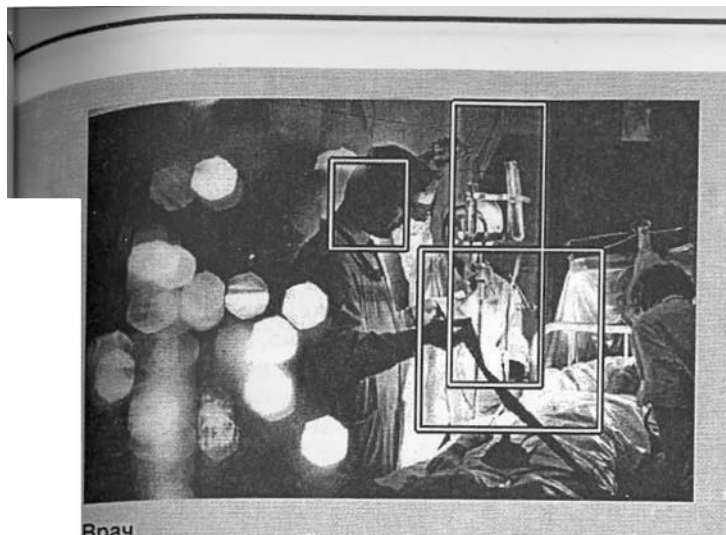
Однако в других случаях, на большей части анализируемых фотографий, эта слитность тела и «механизма» (индикатора профессии), распадается, человек начинает доминировать над «механизмом», как бы возвышается над ним. Снимается уже не сам трудовой процесс как таковой, а акцентируется участвующий в нем конкретный человек. Отсюда фокусирование на фигуре и лице.

Ряд исследователей отмечают, что для советской культуры была характерна демонстрация неизменного энтузиазма и жизнелюбия. Так, В. Паперный пишет, что советскую культуру переполняла «здоровая радость, физиологическая бодрость» (Цит. По Усма-

власти не предполагает динамики, «он вынужден сохранять абсолютную статичность» (Ямпольский, 1989, С. 176-179). Эта «абсолютная репрезентативность» подразумевает предельную степень срежиссированности рецепции, следствием которой является «застывание» репрезентируемого образа. Репрезентация легитимизирует доминирующую в культуре идеологию, формы субординации и, тем самым, оказывается по своей сути политической.

Доминирующим образом представленных фотографий является образ «человека-работника», то есть представителей интеллигенции, вовлеченных в трудовой процесс. Необходимо отметить, что существуют несколько способов подачи этого образа.

В одних случаях некий обозначающий профессию инструмент воспринимается как продолжение телесности. Иными словами, изображается не «человек у станка», а «человек-станок», где человеческое тело неотделимо от «механизма», без него

Врач

Лица людей прорисованы нечетко или их закрывают инструменты. Фотографу важна ситуация взаимодействия в целом: пациент и врач. Инструменты профессии: капельница, в центре композиции, лента кардиограммы в руках врача, стетоскоп у него на шее, кровать пациента - являются более важными визуальными знаками. Уверенные, четкие движения медиков призваны подчеркнуть идею эффективности и качества советской медицины «для народа».

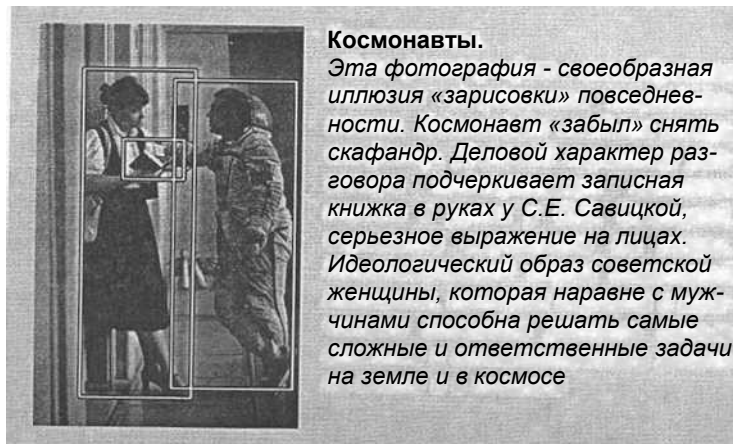
нова, 2001). Об этом же говорят П. Вайль и А. Теннис: «Плакаты, заголовки газет, радиопесни, призывы с трибун - все напоминало человеку: жизнь прекрасна! А прекрасна она прежде всего потому, что будет еще прекрасней» (Вайль, Теннис, 2001).

о на фотографиях представителей советской интеллигенции мы наблюдаем этот энтузиазм крайне редко. Лица на них практически всегда серьезные, сосредоточенны. Вероятно, это было призвано подчеркнуть особое положение интеллигенции, ее ответственность за происходящее в обществе, за достижения государства. При этом образ сверхответственного, думающего о других человека распространялся не только на тех, кто действительно был представителем интел-

лигенции в классическом понимании этого термина (врачи, учителя, творческие работники). Советская идеологическая система включала в понятие интеллигенции не только тех, кого мы сегодня, оглядываясь на работы Т. Парсонса, называем «профессионалы», но и представителей государственного управления, партийных чиновников.

Образ советского интеллигента, пожалуй, можно охарактеризовать как подчеркнуто

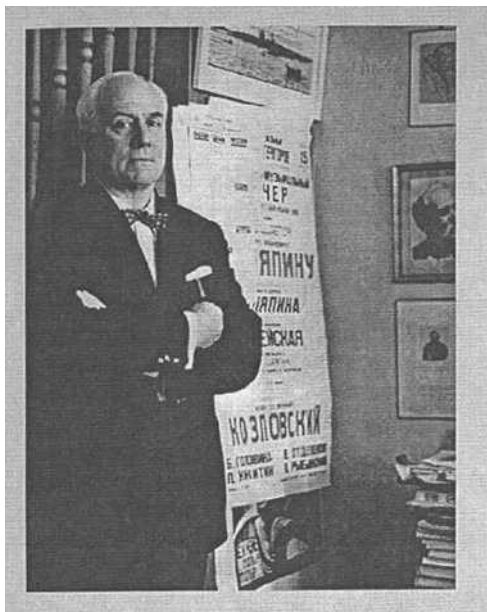
гая одежда, строгие лица, строгие интерьеры, величественность и, в то же время, холодность. ^
 в большинстве случаев лица исполнены внутреннего Спряжения, частью образа становились одухотворенность, Демонстрация напряженной внутренней работы. Символическое полностью поавляет телесное. Чаще всего для до-

Космонавты.

Эта фотография - своеобразная иллюзия «зарисовки» повседневности. Космонавт «забыл» снять скафандр. Деловой характер разговора подчеркивает записная книжка в руках у С.Е. Савицкой, серьезное выражение на лицах. Идеологический образ советской женщины, которая наравне с мужчинами способна решать самые сложные и ответственные задачи на земле и в космосе

Российская интеллигенция...

Иван Семенович Козловский.

Интерьер оформлен при помощи рисунков и афиш. На одной из них надпись: «Музыкальный вечер, посвященный Шляпину». Галстук «бабочка» - признак сценического артистизма, принадлежности к определенному кругу творчески-тонченных деятелей искусства. В нижнем правом углу - сложенные стопкой книги. Все показывает принадлежность героя снимка к определенному социальному кругу.

Известно, что И. С. Козловский был глубоко религиозным человеком, пел в церковных хорах. В то же время в советском обществе он пользовался огромной

стижения такого эффекта изображаются предельно знаковые персонажи в предельно знаковых ситуациях, не допускающих многозначности толкования: форма растворена в содержании, и мы видим только некую «риторическую фигуру», а не телесный образ.

Особо обращает на себя внимание отсутствие в фотографиях частного, семейного пространства. Вероятно, это можно объяснить тем, что подобная репрезентация в полноценном виде неизбежно должна была включить в себя элементы «чуждого» советскому интеллигенту «мещанского быта».

ак это ни парадоксально, имидж интеллигента, создаваемый советскими СМИ, можно назвать элитарным, что подчеркивается особой напряженностью, целеустремленностью образов: погруженность в профессию при отстраненности от окружающего материального мира. В конечном итоге этот образ идеологически был нацелен на подтверждение высокого социального статуса интеллигенции как «избранных» людей, получивших особо сложную профессиональную подготовку, что должно вызывать уважение к ним в советском обществе.

Визуальная репрезентация постсоветского интеллектуального слоя

Основным источником для исследования современных форм репрезентации постсоветской интеллигенции послужили деловые журналы «Эксперт», «Карьера», «Профиль».

Чтобы раскрыть содержательную трансформацию образа современной российской интеллигенции, первоначально необходимо было произвести отбор случаев, конкретных людей и ситуаций, отражающих такую трансформацию. Точкой отсчета служило

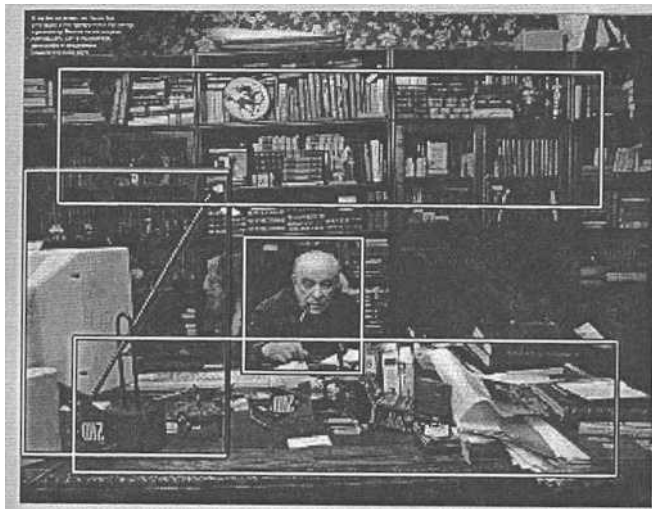
представление о профессионалах в их западном понимании. Появление в России рыночных отношений делает возможным использование такого представления при изучении российского общества.

Т. Парсонс достаточно четко выделяет критерии определения профессионала. Первый критерий это наличие формальной технической подготовки. В процессе обучения задается тот интеллектуальный компонент, который создает ценностный вектор для профессионала, действующего в рамках инструментальной рациональности. Вторым критерием - это наличие навыков реализации полученных профессиональных знаний. Третий критерий - наличие у профессионалов уверенности в том, что их компетенции

используются в интересах всей социальной системы, то есть, имеет место альтруистическая мотивация труда (Parsons, 1968).

Такой подход позволяет обосновать каждый отобранный случай и выявляет социальную группу, на которую направлен фокус исследования.

Образы представителей современной интеллигенции в российских СМИ отличаются большим разнообразием по сравнению с советским периодом. Однако же общее впечатление от образов вовсе не усиливается, а как бы расплывается в очертаниях. Это отражает общие процессы, происходящие с интеллектуальным слоем в стране. Элементы образа советской интеллигенции, рассмотренного нами в предыдущем параграфе,

Ролан Быков

(журнал «Караван историй»)

Основное внимание фотографа было сконцентрировано не столько на фигуре Р. Быкова (которую и не заметно с первого взгляда), а на вещах в домашнем кабинете известного артиста.

Лицо Р. Быкова выглядит особенно бледным на фоне темного шкафа, трубка во рту подчеркивает усталое-грустное выражение на лице с опущенными уголками губ. Перед нами предстает противоречивый мир человека, который вынужден был аккомодироваться к новым условиям после крушения советской системы, но делает это с большим трудом и внутренней борьбой. Об этом свидетельствуют беспорядочно наваленные на столе книги, бумаги, канцелярские принадлежности. Компьютер и лампа с hi-tech дизайном вторгаются в мир книг. При этом позиция монитора, удаленного от сидящего на порядочное расстояние, говорит о том, что компьютером этим владелец пользуется редко.

еще присутствуют на публикуемых фотографиях. Однако появляются и все более укрепляются новые черты имиджа, которые становятся со временем наиболее распространенными, доминирующими. На этих новых элементах, основных трендах развития имиджа мы и сконцентрируем внимание.

По-прежнему одним из ведущих элементов образа представителей интеллигенции выступает профессионализм. Но теперь это профессионализм не конкретный (как причастность к определенной профессии), а опосредованный (определяемый через некие общие индикаторы: образованность, целеустремленность, финансовая независимость и успешность).

Через перенесение места съемки с места работы в дом создается эффект проникновения в личную, интимную зону, ранее полностью закрытую. Как заметил Э. Гидденс, «интимность как обратная сторона постепенной «приватизации жизни» по мере развития современных обществ обладает не только негативной ценностью (как компенсация растущей обезличенности мира), но

Галина Белая

(журнал «Профиль»)

Это фотография - своего рода промежуточное звено между «советским» и «постсоветским» способом подачи образов, транзит, обозначенная траектория имиджей.

Жанр этой фотографии можно назвать советской юбилейной съемкой. Мы видим «хрущевскую» мебель, ковровую дорожку. В то же время место съемки - квартира Г. В. Белой, а не место работы. В образе подчеркивается женственность, что не типично для советских фотографий.

и позитивной (как предпосылка и составляющий элемент рефлексивного конструирования «Я»)» (Гидденс Э., 1995, С. 104).

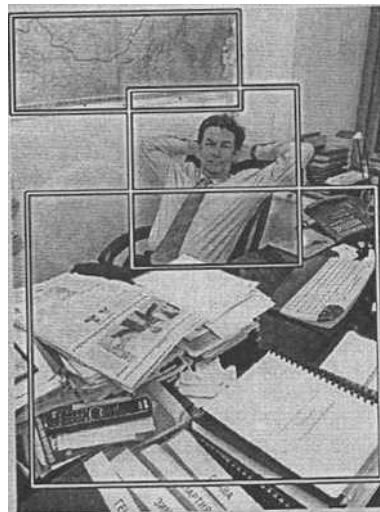
К области дома возникает интерес, мир частного становится предметом всеобщего обозрения, он распахнут для окружающих.

Происходит смещение внимания, его перенесение с субъекта на

объект (объекты): предметы домашней и офисной среды, одежду и пр. Потребление, согласно некоторым западным исследователям, становится, прежде всего, систематическим актом манипуляции знаками (Бодрийяр, 2000). Через потребление, через использование предметов (таких как одежда, обувь, книги, автомобили и пр.), происходит конструирование идентичности.

Произошел переход от потребления продуктов к потреблению символов, продуктов символов. По мнению Ж. Бодрийяра, объекты потребления составляют систему знаковых, дифференцирующих общество.

Для наблюдателей чужое потребление - это создание текста, который ими читается. Структура социального пространства объективируется в знаках, в качестве которых выступает уровень осуществляемой власти и т.д. Наблюдателями в нашем случае выступают читатели журналов. Анализируя знаки на фотографиях представителей ин-

Игорь Минтусов

(журнал «Карьера»)

Офис. Новое понятие: не кабинет, а офис, едет лают деньги. Клавиатура, телефон, пульт управления телевизором, карта России, заваленный бумагами стол свидетельствуют о том* что офис рабочий, не представительский. Одежда и расслабленная поза - демонстрация неформальной обстановки, демократичности, в, в то же время, ощущения комфорта, довольства жизнью, карьерой, успехом

Марат Гельман
 (журнал «Профиль»)
 Известный политехно-
 рог создатель и владелец
 известной художествен-
 ной галереи. Рядом с ним
 — супруга, профессиональ-
 ный архитектор и дизай-
 нер
 Домашний интерьер на
 фотографии переходит в
 интерьер рабочий: рабо-
 чая книжная полка, стол
 с разложенными картина-
 ми. Размывается граница
 между работой и домом,
 частное становится пуб-
 личным. Это подчеркива-
 ется позой и одеждой при-
 сутствующих на снимке

той или иной мере определяют социальное положение и стремления человека или группы. И изображенные на снимках также в той или иной мере осознают, что их «читают», и строят свое поведение с учетом возможного прочтения и его последствий. Таким образом, потребление выполняет функцию коммуникации.

Дуалистическое противопоставление «тела» и

Российская интеллигенция...

«духа» и требование безусловного подчинения первого второму является одной из характеристик «идеального типа» российской дореволюционной интеллигенции. Советская власть сохранила это символическое разделение. Проанализировав содержание опубликованных фотоснимков представителей современной интеллигенции, можно констатировать что происходит обретение интеллигенцией «телесности», «материальности». Порой на фотографиях предметам интерьера и одежды отводится больше места, чем человеку. Вещи рассказывают о человеке пристрастиях, увлечениях, складе его характера. Присутствующие на фотографиях интеллигенции предметы в большинстве случаев подчеркивают принадлежность персонажа, изображенного на снимке.

Александр Гордон
 (журнал «Огонек»)

Снимок сделан посреди оживленной улицы, что наряду с позой главного персонажа, подчеркивает энергию, активную жизненную позицию, способность проникнуть в суть происходящих вокруг скрытых процессов и донести эту суть до окружающих.

На заднем плане мы видим несколько вывесок-брендов. Это символы новой эпохи, возрастающей значимости визуальных знаков

Полевые исследования

явить разные типы потребления у интеллигенции, определяющие разнородность группы. Однако же эта задача требует отдельного исследования, и выходит за рамки настоящей работы.

Своего рода знаком принадлежности к интеллигенции становится некая броскость в одежде и поведении: либо демонстративно неряшливая, показывающая отвлеченность от земной суеты, возвышенность над меркантильными проблемами, либо наоборот - выдающая лоск и экстравагантность их владельца. К примеру, руководитель консалтинговой фирмы «Никколо-М», Игорь Минтусов предпочел позировать фотографу на фоне беспорядка на собственном рабочем столе, где хаотично нагромождены папки, бумаги, газеты, компьютерные аксессуары. Примечательна и поза героя снимка.

Частью новых образов становится открытость и радушие. Практически на всех фотоизображениях мы видим улыбки. Одно из объяснений этого заключается в том, что публикацию в деловом издании можно рассматривать как саморекламу. Как отмечает А. Левинсон, одним из социально-культурных назначений рекламы является привнесение праздника в человеческую жизнь. Поэтому реклама должна нести в себе положительный заряд, «если поискать подобие этому [рекламному - Д.П.] парадизу, - пишет А. Левинсон, - то [...] ближайшее найдется, пожалуй, в храме» (Левинсон, 2000).

Необходимо отметить стремление показать свободолобие и свободомыслие через самовыражение, декларацию свободы как ценности. Свободу в данном контексте можно понимать достаточно широко - свобода самовыражения, творческая свобода, политическая свобода, сексуальная свобода.

Итак, образы представителей современной интеллигенции в российских СМИ отличаются большим разнообразием по сравнению с советским периодом. Однако же общее впечатление от образов вовсе не усиливается, а как бы расплывается в очертаниях.

Андрей Быстрицкий
(журнал «Профиль»)

Фотография в домашней непринужденной обстановке. Выражение лица и поза А.Быстрицкого выражают спокойствие и уверенность в собственных силах. Хорошая квартира, мебель, картины и, наконец, красивая жена - мы видим человека, который добился многого, и это дает ему как повод для гордости, так и желание продемонстрировать все это читателям иллюстрированного журнала.

Одновременно стиль одежды, положение героев снимка позволяют говорить о совершенно другой, по сравнению с советским временем, саморепрезентации. Это попытка показать раскованность, свободу, жизнелюбие и жизнерадостность.

Федор Бондарчук
(реклама, журнал «Итоги»)

Новое направление - реклама. Потребление становится важнейшим аспектом формирования идентичности. В данном случае перед нами предстает не один бренд (производитель видеокамер), а сразу два (имя режиссера Ф.Бондарчука также стало брендом). Эти два бренда взаимно поддерживают друг друга, расширяя собственную популярность.

Этот снимок представляет особое направление гламурных фотографий, на которых запечатлена «красивая жизнь». Гэрой снимка, очевидно, находится на курорте - это выдает смуглая загорелая кожа, свободная рубашка с попугаями, водное пространство на заднем плане. Одновременно подчеркивается, что профессиональная деятельность настолько важна для главного персонажа, что даже на отдыхе он не оставляет своей работы.

По-прежнему одним из ведущих элементов образа представителей интеллигенции выступает профессионализм. Но теперь этот профессионализм определяется через общие индикаторы: образованность, целеустремленность, финансовая независимость и успешность.

Через перенесение места съемки с места работы в дом создается эффект проникновения в личную, интимную зону, ранее полностью закрытую. Мир частного становится предметом всеобщего обозрения, он распахнут для окружающих. Важнейшим способом конструирования идентичности становится потребление.

Литература

- Барт Р. *Camera Lucida. Комментарии к фотографии*. М, Ad Marginem, 1997. М.,
- Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избр. эссе*. М., 1996.
- Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет. 2000.
- Бореев Ю. *Ванька-встанька и состояние мира*. М., «Русь»-«Олимп», АСИ Астрель, 2004.
- Вайль П. Геннис А. 60-е: мир советского человека. М., 2001.
- Гидденс Э. *Модерн и самоидентичность*. // Современная теоретическая социология' Энтони Гидденс: Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Гудков Л.Д., Дубин Б. В. *Интеллигенция. Заметки о литературно-политических аллюзиях*. М. «ЭПИцентр», Харьков «Фолио». 1995.
- Покровский Н.Е. *Прощай, интеллигенция!* //Новые «Вехи»
- Дашкова Т. *Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов* //Логос № 11/12. 1999. С. 131-155.
- Дискин И. *Интеллигенция: конец пути? К 90-летию издания „Вех»* //„Русский журнал» http://vmw.russ.ru/journal/ist_sovr/99-03-23/diskin.htm
- Левинсон А *Женщина как цель и как средство в отечественной рекламе* //Женщина и визуальные знаки. Сб. ст. Под ред. А. Альчук. М. Идея-Пресс, 2000.
- Левада Ю.А. *Социальные типы переходного периода: попытка характеристики*. В кн. Левада Ю.А. *От мнений к пониманию. Статьи 1993-2000 гг.* М. 2000.
- Лотман М.Ю. *Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)*. Россия. Новая серия. Под ред. Н. Охотина. 1999. Вып.2 (Ш Петровская Е. *Антифотография*. М.: «Три квадрата». 2003.
- Покровский Н.Е. *Прощай, интеллигенция!* //На перепутье (Новые «Вехи»). Москва, «Логос», 1999 , Усманова А.Я *Визуальная история в свете гендерной истории* //Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2001.
- Ямпольский М. *Власть как зрелище власти* // Киносценарии. N 5. 1989.
- Parsons T. (1968). *Professions*. //International Encyclopedia of the Social Sciences., Macmillan Company & The Free Press.
- Wagner J. (ed.) *Images of Information: Still Photography in the Social Sciences*. Hills, CA: Sage, 1979.

В поисках родословной: изобретение традиции?

Ольга Ткач

Статья подготовлена по материалам исследования «Организационная инфраструктура и социокультурное значение генеалогического поиска», проведенном 2003-04 гг. в Санкт-Петербурге¹ – людьми, увлеченными поиском корней (в том числе дворянских) и обладающими глубокими знаниями истории своей семьи а также профессиональными генеалогами.

Профессиональные и любительские исследования прошлого, получившие широкое распространение в советском обществе, претендуют на формирование новой Гтооии которую интересует не канонизированная истина, а прошлое-идентичность вписанное в индивидуальную и семейную биографию. Статья написана с целью продемонстрировать, каковы социальные и культурные практики, формирующиеся о вокруг одного из вариантов реконструирования прошлого - генеалогических поисков. Иными словами каким образом, вековая традиция и практика культа предков приживается в современности

Наиболее емкие метафоры, описывающие активность исследователей родословных путешествия или приключение. Движимые стремлением к обретению корней генеалоги-любители конструируют самые разнообразные культурные формы присутствия прошлого в настоящем: досуговую, игровую, исследовательскую и тд.

В заключение рассматриваются те возможности и ограничения которые предоставляет исследователям любителям генеалогический поиск С одной стороны творческое обращение с прошлым имеющее отношение к канонизированной истории расширяет горизонты самоопределения. С другой - формирует новые границы как для индивидуального и семейного биографического сценариев, так и для новой национальной истории

*Лучшее, что нам дает история, -
это возбуждаемый ею энтузиазм.*

И. В. Гэте

*И почему так странно все сложилось?
хотел отстроить ветвь а древо получилось... Из творчества посетителей сайта
«Всероссийское генеалогическое древо»²*

Реконструкция (семейного) прошлого: современная версия

О том, насколько значимыми могут быть для человека знания о предках я убедилась примерно два года назад, когда случайно встретила в Публичной библиотеке в Петербурге бывшего соседа по общежитию, неприметного пенсионера, работавшего в то время лифтером. Оказалось, что он увлекся изучением истории своего рода и смог проследить семейную цепочку ло XVI, а некоторые фрагменты родословной стали предметом особо исследовательской гордости. Например, он обнаружил среди своих предков польских дворян Водзинских, причем одна при представительниц это фамилии была возлюбленной Шопена, коей посвящено немало произведений композитора. Вну-

¹ Автор выражает признательность Центру независимых социологических исследований за финансовую поддержку проекта и лично Елене Здравомысловой за инициирование и сотрудничество

² Сайт «Всероссийского генеалогического древо»: <http://www.vgd.ru/STORV/stih.htm>. Последнее посещение 3.12.2004